

ОБ ИСТОКАХ ЭПИЧЕСКИХ РЕПЕРТУАРОВ Т.Г.РЯБИНИНА И П.И.РЯБИНИНА-АНДРЕЕВА

Научный интерес к проблеме личности исполнителя, проблемам формирования его репертуара и исполнительской манеры, соотношения традиционного и индивидуального начал, зародившийся в середине прошлого века, заметно обострился в последние десятилетия. Особенно важными в практическом и теоретическом планах оказались наблюдения и выводы эпосоведов, что объясняется не только "выигрышностью" исследуемого материала, но и его обилием. Многие эпические регионы Русского Севера обследовались собирателями по три-шесть раз с промежутками в полтора-два десятилетия; мы располагаем сегодня записями, сделанными от нескольких поколений сказителей, повторными записями от одних и тех же певцов, что позволяет с достаточно высокой степенью достоверности судить о генеалогическом соотношении вариантов, об эволюции региональных традиций, о характере и степени книжного влияния на них, об особенностях исполнительской манеры конкретных певцов и их индивидуальных новациях.

Классической работой в этой области по праву считается монография В.И.Чичерова "Школы сказителей Заонежья" – книга с драматической судьбой. Она была опубликована лишь в 1982 г., через 33 года после того, как были напечатаны сигнальные экземпляры и рассыпан набор так и не состоявшегося первого издания. К счастью, ее автору удалось конспективно изложить свои основные научные идеи в ряде статей и даже дополнить их наблюдениями над эпическими традициями других районов Онего-Каргопольского края. Разработанная В.И.Чичеровым теория "школ сказительского мастерства" базируется на тезисах о преемственности между разными поколениями эпических певцов, об особой роли крупных мастеров – родоначальников сказательских "школ" (в большинстве случаев они и названы их именами – "школы" Елустафьева, Конона с Зяблых Нив, Сорокина, Конашковых, Сивцева-По-

ромского). Именно с их поисками и новациями исследователь связывал своеобразие той или иной "школы", единство эпического репертуара, композиционные и стилистические особенности былин, записанных от ее представителей.

Со временем эта теория прочно утвердилась в отечественной науке, приобрела хрестоматийную известность, еще более стимулировала внимание к личности эпического певца; важнейшие ее положения (правда, без особого успеха) начали использовать и сказковеды; их разделяют практически все исследователи былин, даже непримиримые в недалеком прошлом оппоненты В.И.Чичерова. Воздавая должное той позитивной роли, которую сыграли в истории нашей науки упомянутые работы, осмелимся все-таки утверждать, что они не свободны от преувеличений и слишком категоричных обобщений; многие принципиально важные положения сегодня нуждаются в корректировке. Текстологический анализ текстов, которыми не располагал или к которым почему-то не обращался В.И.Чичеров, убеждает в том, что создатель теории "школ сказительского мастерства" абсолютизировал роль индивидуального начала в развитии эпической традиции, порой объяснял происходящие в ней объективные эволюционные процессы личным вкладом выдающихся певцов, нередко объединял в одну "школу" сказителей с разным творческим почерком (А.Чуков – П.Калинин – И.Касьянов, Н.Прохоров – И.Фёдоров – П.Антонов – Г.Якушов – И.Фофанов). В этой связи особый интерес представляет вопрос об истоках эпических репертуаров Рябининых – Трофима Григорьевича, родоначальника этой сказительской династии, и Петра Ивановича Рябинина-Андреева, самого яркого представителя четвертого ее поколения.

По поводу слагаемых обширного репертуара Т.Г.Рябинина в науке нет устоявшегося мнения, расходятся и свидетельства собирателей. П.Н.Рыбников писал: "...главный наставник Рябинина был Илья Елустафьев" (Рыбников, 1, LXXVII). А.Ф.Гильфердинг утверждал другое: "От Игнатия Иванова (т.е. Игнатия Ивановича Андреева. – Ю.Н.) Рябинин "понял" наибольшую часть своих былин" и перечислил, со слов самого сказителя, источники большинства его текстов (Гильфердинг, 2, 2). Согласно этим данным, Т.Рябинин 7 былин перенял у Андреева, 3 – у Завьялова, по 1-й – у Кокойкина и Трепалина и лишь 2 – у Елустафьева. (Об остальных 10 былинах сведений нет, но среди них 5 дефектных текстов – пересказы и отрывки.) В.И.Чичеров принял сторону Рыбникова и причислил Рябинина к преемникам Елустафьева, наряду с К.Романовым, Т.Иевлевым и А.Дьяковым (Чичеров, 37–54 и др.). Поскольку Рябинин по объему репертуара, талантливости и исполнительскому мастерству заметно превосходил своих земляков и в отличие от них сам имел немало учеников, исследователь счел необходимым поставить его

имя рядом с Елустафьевым, как человека, во многом определившего творческое лицо всей "школы" (она нередко именуется "елустафьевско-рябининской").

Анализ генетических корней рябининских текстов осложняется целым рядом факторов. Контрольный материал, помогающий реконструировать изводы Елустафьева и Андреева, резко отличается по объему, характеру и качеству, а традиции Завьялова, Трепалина и Кокойкина вообще не прослеживаются по вариантам других певцов. От трех учеников Елустафьева (Романов, Иевлев и Дьяков) записано 20 былинных текстов (17 сюжетов), большинство из них хорошей сохранности; от единственного, кроме Рябинина, преемника Андреева – А. Сарафанова – 8 схематичных, полуразрушенных былин. Разительное сходство трех эпических песен, повторяющихся в репертуарах Романова и Иевлева ("Добрыня и Алеша", "Дунай", "Хотен Блудович"), высокая стабильность их вариантов в записях Рыбникова и Гильфердинга свидетельствуют о том, что оба сказителя твердо придерживались усвоенных изводов, источник которых действительно мог быть общим. Следовательно, по текстам учеников Елустафьева можно составить достаточно четкое представление и о творческом наследии их "учителя". На Сарафанова в этом отношении полагаться рискованно: при повторных записях он сильно варьировал свои былины, многое путал, искажал, вводил нетрадиционные мотивы.

Затрудняют анализ и особенности исполнительской манеры Т.Рябинина – сказителя-творца, который, опираясь на тексты своих многочисленных "учителей", нередко создавал оригинальные редакции и версии былинных сюжетов ("Дунай", "Хотен Блудович", контаминация исторической песни "Скопин" с былинной "Наезд литовцев", возможно, контаминация "Добрыни и Алеши" с "Добрыней и Василием Казимировичем"). Поэтому сопоставления на сюжетно-композиционном уровне не всегда плодотворны. Долгие годы общаясь с Елустафьевым и Андреевым, Рябинин наверняка не раз слышал все известные им эпические песни и мог ввести в былинку, заимствованную от одного из своих "учителей", эпизоды и мотивы из других источников. Изучение так называемых типических мест вообще ничего не дает для выявления генеалогии рябининских текстов – как и другие крупные сказители, он унифицировал свой набор общеэпических формул, в разных сюжетах использовал одни и те же стереотипные описания и диалоги. Самый яркий пример – былина "Илья и Калин". Уже в преклонном возрасте заменив одну ее версию другой, Рябинин сохранил неизменными почти все общеэпические формулы. Их близость в обоих вариантах, конечно же, нельзя объяснять общностью источника.

Последнее обстоятельство В.И.Чичеров, как правило, не учитывал. В своей монографии он часто ссылается на сходство типических мест в былинах Рябинина и пресемников Елустафьева как на доказательство (иногда единственное) их принадлежности к одному изводу и, соответственно, к одной сказительской "школе". На мой взгляд, такой аргументации недостаточно.

Обратимся к сюжету "Добрыня и Алеша" (в составе контаминированной былины). Наличие формулы быстротекущего времени в текстах упомянутых певцов ничего не говорит о специфике елустафьевского извода (Чичеров, 36); эта формула известна десяткам сказителей, использовалась в разных сюжетах на территории всего Прионежья. Не достигает цели и сравнение других подобных формул. Как и предыдущая, они близки только по содержанию, и В.И.Чичерову всякий раз приходилось объяснять своеобразие былинной фразеологии Рябинина творческой одаренностью певца, его пристрастием к эпической обстоятельности повествования. Я провел контрольный эксперимент, выписав соответствующие фрагменты из текстов П.Макаровой, П.Пастуховой и А.Чукова (Гильфердинг, № 168 и 149). Схождений с былинной Рябинина оказалось еще больше, особенно у последнего сказителя, который, по мнению В.И.Чичерова, принадлежал совсем к другой – космозерской "школе". Поэтому не приходится удивляться отдаленному сходству типических мест в былинах Рябинина и Романова-Иевлева – такая степень родства естественна в пределах одной региональной традиции и не дает права отнести рябининский вариант к изводу Ильи Елустафьева.

Итак, сопоставление типических мест – не слишком надежный "инструмент" для определения генетических корней рябининских текстов. Гораздо больше может дать изучение сюжетообразующих элементов, имен собственных, постоянных формул и деталей, характерных только для данной эпической песни. Но и здесь необходима осмотрительность, чтобы не приписать одному сказителю или "школе" особенности, свойственные всей региональной традиции. Свою былинку о Добрыне и змее Рябинин возводил к Завьялову; В.И.Чичеров, сопоставив его текст с фрагментарным вариантом Романова, предполагает "наличие елустафьевской традиции и в этом случае". Единственный аргумент – использование обоими певцами эпизода с портомойницами, предупреждающими богатыря об опасности купания в Пучай-реке "нагим телом", и описание самого купания (Чичеров, 42–44). Но первый эпизод, как установлено А.М.Астаховой, является специфической чертой кижской редакции сюжета (Астахова, 2, 571), а второй встречается повсеместно – от Кенозера и Печоры до Алтая и Ангары. Оба эпизода находим, к примеру, в варианте В.Щеголенка, который не был "учеником" Елустафьева (Гильфердинг, № 123). В то же время в текстах Рябинина и Романова

совершенно по-разному изображается бой Добрыни со змеем – ключевая сцена всей былины. У первого сказителя змей нападает во время купания, богатырь спасается от него, ныряя под воду, и за неимением оружия побивает "колпаком земли греческой". У Романова Добрыня, вовремя предупрежденный слугой, успевает выбраться на берег, "облатиться, обколечужиться", вооружиться палицей. Как видим, и здесь нет достаточных оснований считать Рябинина учеником Елустафьева, а не Завьялова.

В своих разысканиях В.И.Чичеров допустил некоторые неточности, в известной мере сказавшиеся на его выводах. Кроме И. Елустафьева, Романов назвал Рыбникову еще одного учителя – "рыболова Федора Яковлевича"; правда, все три былины, общие с Иевлевым, возводил к репертуару Елустафьева. Исследователь не учитывает это свидетельство.

Одним из самых веских аргументов в пользу родственности вариантов "Ильи и Соловья", записанных от Рябинина и Дьякова, служит ссылка на то, что оба певца, в отличие от Сарафанова, "сохраняют типическое место с Черниговом и черниговцами" (Чичеров, 53). Между тем, в былине Дьякова этого эпизода нет, Илья сразу после выезда из дома встречается с Соловьем-Разбойником. А вот описанный Сарафановым разговор с "мужиками обалаковскими" о прямоезжей и окольной дорогах резонно рассматривать как отголосок более полной редакции сюжета. Других точек соприкосновения с текстом ученика Елустафьева в былине Рябинина явно недостаточно, чтобы предполагать их генетическую связь. Правда, Дьяков обстоятельнее Сарафанова в эпической топонимике; как и Рябинин, упоминает город Муром, дуб Лсванидов, речку Черную (у Рябинина – "грязь Черная", а река, как и у Сарафанова, названа "Смородинкой"). Но с другой стороны, в былине Сарафанова Илья выезжает из города Крякова, из села Березина, а Рябинин сходные топонимы употребляет в "Королевичах из Крякова". (Этот сюжет, как и "Илью и Соловья", сказитель считал "андреевским".)

В текстах Рябинина и Сарафанова упоминаются зятья Соловья-Разбойника, приводится диалог князя Владимира или его дочери с пленным Соловьем, чего нет у Дьякова. Да и на лексическом уровне у первых двух сказителей совпадений гораздо больше.

Разумеется, отмеченных сходжений слишком мало, чтобы настаивать на неперменной связи данной былины Рябинина с репертуаром Андреева, но они все же весомее доказательств елустафьевского ее происхождения.

В.И.Чичеров признает некоторую общность с вариантами Сарафанова рябининских былин "Илья, Ермак и Калин", "Илья и Идолище", "Ставр Гоудинович", "Хотен Блудович", отчасти – "Дунай". Следует подчеркнуть, что эта общность нередко проявляется в сюжетообразующих элементах, отсутствующих у учеников Елустафьева. В "Илье и Калине" это – появление Ильи Муромца или Дуная в беззащитном Киеве, совет

князю Владимиру откупиться от татар, чтобы выиграть время, поездка богатыря к Калину с такой миссией. Эту свою былину Рябинин считал елустафьевской. Учитывая ее отдаленность от варианта Романова, В.И.Чичеров предполагал какой-то иной источник. Но не исключено, что свидетельство сказителя достоверно. Как уже говорилось, у Романова было два учителя, былину о татарском нашествии он не назвал в числе заимствованных от Елустафьева. В текстах Рябинина и Сарафанова особенно близки заключительные эпизоды, кроме развязки (у Рябинина юный Ермак умирает, надорвавшись в бою; у Сарафанова финал более традиционен – Ермак остается живым).

В "Дунае" сватовство поручается герою по совету Ильи Муромца или Пермина; Дунай и его спутник вместе заходят в палаты литовского короля, где им приходится силой добывать невесту для киевского князя. В текстах Иевлева и Романова Дунай сам рассказывает о дочери литовского короля, у которого он прежде служил, сопровождающий свата Добрыня остается во дворе и здесь начинает отбиваться от нападающих "татар". В былине "Хотен Блудович" у Романова и Иевлева не описывается поездка героя в поле перед разрушением терема невесты, а сама она и ее мать носят другие имена. Во всех старых записях "Добрыни и Алеши" только у Рябинина и Сарафанова встречается оригинальная психологическая мотивировка: мать героя поверила приехавшему из чиста поля "детине" – не мог же чужой человек "святым духом" узнать про платье и гусли Добрыни.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что роль елустафьевской традиции в формировании былинного репертуара Т.Рябинина сильно преувеличивается. В ходе текстологического анализа не обнаружено достаточно веских причин для сомнений в точности тех сведений, которые сообщил сказитель об источниках своих текстов. А Рябинин главным своим наставником считал Игнатия Андреева, связывая с его именем столько же былин, сколько со всеми остальными учителями, вместе взятыми. Игнатий Андреев "по словам его, был самым лучшим певцом былин во всем их крае и превосходил даже Елустафьева" (Гильфердинг, 2, 2). Разумеется, не следует впадать в другую крайность и абсолютизировать влияние Андреева, забывая о других сказителях старшего поколения, известных Рябинину, в том числе и не названных им поименно. Ни один устный вариант былины, когда-либо слышанный Трофимом Григорьевичем Рябининым, не прошел для него бесследно. Он поднялся на гребне мощной эпической традиции всего Заонежья, аккумулировал в своем творчестве лучшие ее достижения, опирался на эпическую память целого коллектива и только потому стал "звездой первой величины".

Детальный анализ творчества ряда других крупных олонечских сказителей (И.Фепонов, П.Калинин, И.Фофанов, Г.Якушов, Ф.Коиашков, П.Воинов) тоже свидетельствует о множественности источников их эпического знания; сознательная установка начинающего певца, не говоря уже о сформировавшемся мастере, на одного "учителя" – явление исключительное. И это естественно: творчество даже самого выдающегося певца – составная часть местной традиции, но оно никогда ее не исчерпывает. Подлинный сказитель вряд ли упустит возможность обогатить свой арсенал новым сюжетом, оригинальной формулой, ярким художественным образом только потому, что они исходят не от его "учителя". В этом убеждает и пример П.И.Рябинина-Андреева.

В последние годы все больше исследователей выражает сомнение в том, что Рябинины-младшие чуть ли не дословно повторяли варианты своего знаменитого предка и не выходили за пределы семейного репертуара. (В формировании этой фольклористической "легенды" определенную роль сыграла все та же теория "школ сказительского мастерства".) Если расчленить контаминированные тексты, то в репертуаре Рябинина-младшего насчитаем 10 былинных сюжетов и 2 баллады. Балладу "Братья-разбойники и сестра" и былинку "Чурила и Катерина" он усвоил от своей землячки Н.С.Богдановой-Зиновьевой во время совместной поездки для публичных выступлений в Москве. Кстати, с помощью подобных заимствований пополнили свой эпический репертуар и другие выдающиеся сказители "последней волны" – та же Богданова (былина "Добрыня и Маринка"), пудожане И.Т.Фофанов (первая часть двухходовой былины "Добрыня и змей" в рябининской редакции), Ф.А.Конашков ("Чурила и Катерина" и баллада о братьях-разбойниках) (подробнее см.: Новиков). Заметим, что все эти певцы, по мнению В. И. Чичерова, принадлежали к разным сказительским "школам". На творчество П.И.Рябинина-Андреева повлияли и книжные источники. В его былинке "Добрыня и змей" есть мотив, восходящий к тексту из сборника Кирши Данилова; "Илья, Самсон и Калин" в значительной мере зависим от сборника В.П.Авенариуса "Книга русских былин", составитель которого на основе научных записей создавал сложные компилированные тексты; к этому же источнику восходят необычная для Прионежья версия "Ссоры Ильи с Владимиром" и большая часть былины о Ставре. Примечательно, что все эти "нерябининские" элементы (за исключением единственной формулы в "Добрыне и змее") отсутствуют в записях 1926 г. – видимо, повышенное внимание общественности к сказительству и наметившийся кризис устной эпической традиции побудили Рябинина-младшего, как и многих его современников, обратиться к книге.

Таким образом, и здесь подтверждается общая закономерность – репертуары крупных сказителей, как правило, восходят не к одному, а к

нескольким источникам. Подлинной "школой" для них служит коллективная традиция. Это особенно ярко проявляется в северо-восточных районах Русского Севера, где былины пели преимущественно на промыслах, где широкое распространение получило ансамблевое их исполнение, а семейные традиции прослеживаются лишь в редких случаях. К записям былин из этих регионов теория "школ сказительского мастерства" практически неприменима.

С п и с о к с о к р а щ е н и й

Астахова – Былины Севера / Записи, вступит. статья и коммент. А.М.Астаховой. М.; Л., 1951. Т. 2.

↓ Гильфердинг – Онежские былины, записанные А.Ф.Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1949–1951.

Новиков – *Новиков Ю.А.* О творческих контактах прионежских сказителей // Русский фольклор. Л., 1971. Т. XXVI. С. 69–82.

Рыбников – Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. М., 1909. Т.1.

Чичеров – *Чичеров В.И.* Школы сказителей Заонежья. М., 1982.